

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Оживший
кошмар
русской
истории

Страшная правда
о Московии

Андрей Михайлович Буровский
Оживший кошмар русской
истории. Страшная
правда о Московии
Серия «Вся правда о России»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4939983

*Буровский А. М. Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии: Яуза, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41763-6*

Аннотация

Самая скандальная книга самого неуправляемого историка! Вызывающий бестселлер главного «возмутителя спокойствия»! Шокирующая правда о нашем прошлом, жестокий удар по национальному самолюбию! Посмеиваясь поднять руку на самые неприкасаемые мифы национального сознания, автор берется доказать, что «Россию губит избыток природных ресурсов, который мешает стране развиваться, делая ненужным все сложное и совершенное», а «каждый из нас несет в душе такую «психологическую мину», что если рванет – мало не покажется!». Эту книгу можно проклинать за нарушение всех и всяческих табу, ее можно обвинять в вопиющей «неполиткорректности»

и воинствующей «руссофобии», с ней можно (а по мнению редакции, просто необходимо!) спорить – но читать обязательно!

Содержание

Введение	5
Проблема слышимости	8
Часть I	10
Глава 1	10
На Северо-Востоке	11
Особый тип славянской культуры	27
Глава 2	41
Рост Северо-Востока	41
Реализованное честолюбие	44
Судьба самодержца	48
После Юрьевичей	53
Как формировались традиции	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Буровский

Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии

Книга ПОСВЯЩАЕТСЯ всем москалям, которые родились и прожили жизнь в Московии, но вопреки всему сохранили национальные черты русских людей – самостоятельность, чувство собственного достоинства и силу духа.

Автор

Сражающемуся с чудовищами следует позаботиться о том, чтобы самому не превратиться в чудовище. Слишком долго заглядывающему в бездну следует помнить, что и бездна вглядывается в него.

Ф. Ницше

Введение

Чудовище на Северо-Востоке

Народ, у которого совершенно не развита общественная жизнь, у которого личность подавляема, обречен на разложение и утрату своей

В XII–XIII веках на Северо-Востоке Руси рождается чудовище. Назвать его можно по-разному: и традицией политического бесправия, и деспотией, и азиатским путем развития.

Неисчислимы бедствия сулит этот путь; великое множество смертей, человеческих мук, разруху и одичание. Не одна кровавая комета растаяла в небе, едва чудовище повело вокруг своими желтыми драконьими глазами. Вот оно вскинулось, оскалилось полудиким конем из бесплодной монгольской степи. Повеяло во все страны жаром пыточных горнов и пожарищ, пошел от чудовища смрад разлагающихся тел, горящего человеческого мяса, крови, неубранных нечистот, перегара скверной местной водки.

Уставя вертикальный зрачок, чудовище рычит: гулко, свирепо, ненавидяще. В его реве слышен гул огня и плач бесчисленных вдов, крик детей, живьем сгорающих в церквах, вой посаженных на кол и запарываемых кнутами, стоны умирающих от ран.

Настанет страшный день – и оно прыгнет.

Несколько веков чудовище отрывало от Руси кусок за куском, жадно жрало и все росло – будто пучилось. Все громче и страшнее его рык, все большее пространство отравлено идущим от него смрадом.

Чудовище победило, разорвало на части, сожрало Русь,

извратило ее по своему образу и подобию. Поэтому чудовище называется теперь Русью, Россией – по имени сожраных. Нравы чудища именуются «исторически сложившимся типом общества», преступления чудища – светлыми подвигами; в рычании и вое чудовища отыскивается необъятный космический смысл. Бросок чудовища на Русь, истребление и пожирание Руси теперь называется не нашествием Орды и не явлением на Руси Чуда-юда поганого, а «собираанием русских земель». Эта книга о том, как же и почему могло родиться и вырасти чудище, подмявшее под себя несколько родственных стран: Русь, Литву и Польшу.

Знать и понимать это полезно любому россиянину: уже для того, чтобы уметь разделить – где тут наша великая и несчастная Родина-Русь, а где – косматый бок чудовища. Где звучит внятная человеческая речь, а где – рев Людоеда. Пусть каждый знает и сможет сознательно решать – быть именно ему частью тела Руси или встать на сторону Чудища Поганого.

Проблема слышимости

Все написанное в книге очень легко можно попросту не услышать. Самый лучший способ давно изобретен русской интеллигенцией. Способ прост – надо сказать громко и легко: «Да чепуху вы порете, батенька!» И улыбнуться, и пойти скушать еще бутербродик с семужкой, запить водочкой, а о неприятных и смущающих тебя делах – больше не думать.

Второй способ состоит в том, чтобы отрицать факты, которые тебе не хочется замечать. Что?! Великое княжество? Бред, не было такого княжества. Ах, все-таки было... Да?! Но тогда никогда оно не объединяло 85 % населения Руси. Не было этого! Ах, было... Ну тогда все равно все было иначе! Литовцы тут всех завоевали...

Недавно я общался с юношей, который все время ссылался на Карла Маркса, но категорически отрицал все тексты К. Маркса, которые его не устраивали. После этого чему же удивляться? Способ активно «работает».

Третий способ состоит в том, чтобы приписать автору какую-нибудь чепуху, а потом с ней «блистательно» бороться. Можно сделать вид, например, что автор сей книги – лютей враг города Москвы. Он москвитов не любит?! А вот у меня пять поколений предков в Москве жили!!! И все приличные люди, не то что противный Буровский! Это все провинциалы на Москву твякают, а теперь еще и вот этот!!!

Недоуменный вопрос: а какое отношение имеет город XIX–XX веков к средневековому типу культуры? Какой смысл смешивать современную геополитику и инфраструктуру с явлениями и другой эпохи, и других областей жизни? Никаких, разумеется. Такие приемчики нужны только для одного: чтобы ни о чем не задумываться и возражать не автору, а собственным выдумкам.

У меня же нижайшая просьба... Я буду искренне благодарен за любую конструктивную критику. За любую. Но именно за конструктивную и честную. Попытку махать ручками, эмоционально ополчаться на факты, приписывать мне то, чего я не говорил (и не думал), будут рассматриваться как попытки оживить царя Ваську и Малюту-Гришку Скуратова. А это очень непривлекательные призраки.

Часть I

«Заколдованная» земля Северо-Запада

*Эти нищие селенья,
Эта бедная природа!
Край ты мой долготерпенья,
Край ты русского народа!*
Ф.И. Тютчев

Глава 1

В глухом и диком захолустье

*Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!*
Граф А.К. Толстой

Изучая явление, обязательно следует посмотреть на его происхождение. Откуда оно взялось, какие стадии своего становления прошло, как развивалось. Так мы поступили с Великим княжеством Литовским¹, так же и по тем же пра-

---

¹ Буровский А.М. Русская Атлантида. М., 2004.

вилам рассмотрим и Великое княжество Московское. Чтобы изучить истоки такого явления, как Московия, нам предстоит более внимательно ознакомиться с тем географическим и культурным явлением, которое и породило Московию, – с русским Северо-Востоком.

На Северо-Востоке

На Северо-Востоке Руси – в Волго-Окском междуречье, в Поволжье, в глухих заволжских лесах – природа гораздо беднее, чем в княжествах Черной, Белой, Малой – Западной или Юго-Западной Руси. Дольше и злее зима, короче лето. В Закарпатье безморозный период длится порядка 230–240 дней в году. В Московской области – только 170.

Приходится гораздо серьезнее готовиться к зиме. Чтобы жить на Северо-Востоке, необходимы гораздо более основательные дома, больше теплой одежды, хорошая пища. Голодный человек рискует не выдержать морозов, даже если он хорошо одет.

Не случайно же именно здесь примерно в XV веке изобретают так называемую русскую печь. В такой универсальной печи можно готовить неприхотливую вареную еду – щи, пареную репу, кашу. Огромная печь долго отдает тепло, хорошо греет пространство избы. На плоской поверхности наверху печи можно спать. Там, наверху, тепло, даже когда дом остывает и по полу текут ледяные потоки из-под двери. Рус-

ская печь оказалась прямо-таки гениальным открытием. Без нее освоить пространства русского Севера, Северо-Востока и Сибири было бы куда труднее.

На Северо-Востоке природа небогата. Урожайность одних и тех же культур в Волго-Окском междуречье и на Киевщине различается в несколько раз. Чтобы получить такое же количество зерна, нужно больше земли. Весной надо будет вывезти больше посевного зерна и на большее расстояние. Раз земли нужно много – необходима рабочая лошадь, волы тут не годятся. Лошадь нужно тоже подкармливать зерном, пока она пашет или возит мешки с зерном на поле, осенью – с поля. Значит, приходится засевать больше земли, ездить на большее расстояние...

Бедная земля быстро истощается. Значит, нужно вести подсеčno-огневое или переложное земледелие, все время переходя с места на место. Или надо удобрять землю навозом. Без разведения коров, своего рода «навозного скотоводства», тут не может быть ни двуполья, ни трехполья.

Даже при трехполье маленькие деревушки будет окружать непроходимый лес. На Северо-Востоке Руси леса полностью не сведут никогда, и по самой простой причине – лес необходим как источник природных ресурсов, в том числе и пахотной земли. Уже распаханной может оказаться недостаточно.

Это имеет свои последствия не только для хозяйства, но и для души тех, кто населит такую землю. Естественные ландшафты – лес и степь, река и луга – останутся обычными ме-

стообитаниями для человека. Даже при высоком уровне развития цивилизации человек будет хорошо с ними знаком, потому что слишком многое придется брать в лесу. Человек на Северо-Востоке должен научиться много находиться в лесу, на реке и в лугах и должен уметь получать от этого удовольствие. Так англичанин должен полюбить вересковые пустоши, а норвежец – фиорды. В том, что не любишь, трудно жить.

На Северо-Востоке складывается общество, в духовной жизни которого природа, причем именно дикая природа, имеет колоссальное значение. Члены этого общества любят много времени проводить в природе, стараются как можно чаще там бывать. Чей образ жизни изначально организован так, чтобы они могли как можно чаще бывать в лесу, в поле, на реке. В решающие минуты жизни человек будет уходить в эти пустые пространства, «пустыни»: чтобы приникнуть к тому, что дает жизнь, побыть в здоровом, «правильном» месте и тем исцелить душу, успокоиться. И просто для того, чтобы побыть одному, уйти от скопища людей в переполненных избах, подумать, прислушаться к себе.

В лесу встречаются влюбленные, в лес ведут детей, в лес уходят отшельники и аскеты, размышляющие о смысле жизни и прочих важнейших предметах. «В ельнике давиться, в березняке жениться, в сосняке трудиться». Как видно, русская пословица хорошо знает, что где следует делать.

В лес тянет в любой ситуации душевного разлада, стресса,

крушения.

«Унесу скуку в дремучие леса», – поет девушка, которую бросил любимый.

В лес хочется и на верхнем витке эмоциональной разрядки, радости, веселья, буйства.

Я рвался на природу, в лес,
Хотел в траву и в воду, —

свидетельствует Высоцкий, которого бес поводил «по городу Парижу». Не всем такая склонность понятна, и об этом тоже у Высоцкого:

Но это был французский бес,
Он не любил природу.

Не все хотят уйти в естественные ландшафты в такого рода случаях жизни, и это касается не только французов. Русские часто удивляются, обнаружив, что вьетнамцы, индусы или китайцы мало эстетизируют дикую природу, мало ее любят, для них не очень важно бывать в лесах и лугах.

Зато с монголами, тибетцами, жителями Центральной Африки русскому человеку найти общий язык довольно просто. Из европейцев – со скандинавами, у которых лугов и фиордов еще много и которые любят там бывать. С латиноамериканцами. С жителями США – не с «эмигрантами третьей волны», конечно же, а с коренными «штатника-

ми», с «белыми протестантами англо-саксонского происхождения». У них земли всегда было много, они очень любят пикники.

Вторая важнейшая особенность Северо-Востока – континентальность. Чем дальше на восток, дальше от океанов – тем короче осень и весна. Даже на севере Франции сельскохозяйственный год длится девять месяцев в году. Но при этом весна продолжается два месяца и столько же осень. Тепло и наступает и отступает медленно, постепенно. Не зря же именно из Франции идет демисезонная одежда. Демисезонная... от слова «де-ми-сезон» – между сезонами. Одежда на то время года, когда нет ни зимы, ни лета. Одного нет уже, другого – еще.

На востоке Германии зима продолжается уже пять месяцев; сельскохозяйственный год сворачивается до семи, а продолжительность весны и осени существенно уменьшается.

На Северо-Востоке Руси зима продолжается добрых полгода, на севере даже дольше; а весна и осень так коротки, что реальна опасность не успеть с посевом хлебов или с уборкой урожая. Значит, работа на рывок. Тем более тяжкая работа, что вывозить на поля нужно больше зерна, а вспахать и засеять нужно большие площади, чем в любом уголке славянского мира (ведь земли нужно много, а урожайность низка).

Складывается традиция работы на рывок, бешеной «вкали» без сна и еды, до седьмого пота. Отчаянной гонки за про-

сыхающей землей, за стремительно надвигающимся, наступающим на пятки летом. Лето ведь короткое, и если опоздать с посевом, можно не получить урожая.

Такой же аврал – и при уборке урожая. Только вызрели, склонились хлеба – и тут же может ударить мороз, пойти снег. Или зарядят дожди, постепенно переходящие в снежно-водную ледяную жижу. Убирать урожай надо быстрее!

...А после того, как рывок сделан, можно жить спокойно: и летом, после посева, и тем более зимой, собрав урожай. Сельскохозяйственный год состоит из коротких суматошных рывков и длинных спокойных периодов, в которые решительно ничего не происходит. Перемежаются, сменяют друг друга периоды интенсивнейшего труда и полного ничегонеделания.

Это тоже отражается на народном характере. Те, кто организует сельскохозяйственный год в режиме труда «на рывок», с большой вероятностью так же построит и собственную жизнь, и жизнь общества. Вообще всякое бытие увидится человеку как соединение рывков, сверхусилий, когда «рваться из сил, изо всех сухожилий» не только правильно – это вообще единственный возможный способ действовать. А раз так – в жизни человека естественным образом чередуются периоды, когда он «до смерти работает, до полусмерти пьет» (например, делая росчисть в дремучем лесу, под новые поля и новую деревню), и периоды, когда он решительно ничего не делает, кроме самого необходимого. Своего рода

«жизнь на рывок», или «судьба на рывок».

Но так складывается и история общества – «история на рывок». Сверхусилие совершается уже не индивидуально, в частной судьбе, а коллективно, в истории общества: деревни, общины, семьи, государства. Идет война, переселение, освоение новых земель, нашествие, отражение набега, тушение пожара. Каждый должен принять участие в сверхусилии, в «рывке». Каждый оценивается по своей способности совершать такой «рывок». Общественная мораль высоко оценит тех, кто сумеет выплеснуть как можно больше энергии и в как можно худших условиях, кто полнее отдастся общему порыву, кто умеет не жалеть ни себя, ни «противника», кто сумеет возглавить, организовать всеобщий «штурм и слом». Осудят скорее того, кто не пойдет на штурм вместе со всеми, пойдет недостаточно энергично, проявит меньшую, чем другие, ярость, непреклонность, отчаянность.

Ценность человека вообще будет определяться способностью совершать сверхусилия и рывки такого рода или участвовать в них. Молодой мужчина просто не может не искать возможностей поучаствовать в таких «рывках». Угодившие в них считаются уже проверенными жизнью, и те, кто хорошо себя повел, сразу признаются взрослыми мужчинами. А кроме того, после удачного «рывка» «появляются» новые земли, делится добыча. Вчерашний малец, чужой пленец, превращается в одночасье в почтенного собственника.

Вспомним героев все того певца рывка, сверхусилия, рис-

ка, жизни на пределе физических и психологических возможностей – Владимира Высоцкого. Его герои, даже совсем не уголовные, вроде бы вполне приличные люди, просто поразительно «криминогенны». Жаждающие сверхусилий, сверхнапряжения, плачущие о том, что родились «поздно», война уже кончилась, и «не досталось им даже по пуле», они словно несут в самих себе несчастье, криминал, гибель, мрак. Они хотят, чтобы сделанные в «ремеслухе» ножи

Вонзились в легкие,
От никотина черные
По рукоятки легкие,
Трехцветные, наборные.

Чтобы случилось нечто и чтобы потом десятилетиями
вспоминать, как

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!»

Чтобы:

И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом, что характерно, наступает период полного покоя, когда герой ничего уже не хочет, ничего ему не надо. Го-

ды, даже десятки лет, тянутся разве что протапливания баньки по-черному и по-белому, воспоминания, попытки «гнуть пальцы», третировать «менее опытных», истерично-агрессивные алкашеские вопли в духе

Ты не видел Ногайскую бухту, дурак ты!
Залетел я туда не с бухты-барахты!

Или

Который в гетрах, давай на спор:
Я на сто метров, а ты в упор.

.....

Ведь ты же на спор стрелял в упор,
Но я ведь снайпер, а ты тапер!

Агрессивность невероятная и вроде бы психологически совершенно не обоснованная, никакими внешними обстоятельствами. Тоска героев Высоцкого по войне, по смертельному риску, по кровавому поту... И тут же противовес – готовность сразу после сверхнапряжения – «расслабляться»; по существу дела, вообще не жить, а только скулить и пьянствовать в перерывах.

Жизнь его героев примечательна только этими короткими «рывками», только в эти краткие минуты душевного и физического самоубийства что-то вообще происходит. Это очень национальное, очень «москальское» явление. Великороссы

сделали Высоцкого своим культовым поэтом и певцом, но другие славянские народы, даже близкородственные великорусам украинцы и белорусы, относятся к Высоцкому гораздо прохладнее. Не то что не любят... Но и не культовый он у них. Высоцкий говорит великороссам что-то страшно важное, интимное. Что-то такое, чего нет в психологии соседей.

Славяне легко переходили на восток, в малонаселенные земли. У соседей Великороссии настал момент, когда переходить стало некуда. А Северо-Восток Руси остался единственной из славянских территорий, которая так никогда и не перестала быть «разомкнутой» на востоке. Урал и Сибирь так громадны, что это исключало опасность – в один прекрасный момент исчерпать потенциал дикой природы и ее даровых ресурсов.

В XII веке было населено в основном Волго-Окское междуречье, а заволжские леса оставались для русских «безлюдными» (хотя там и жили финские племена). В XIV же веке за Волгу устремляется очень большой поток переселенцев. В те времена не вели подробных подсчетов, даже существовавшие архивы до нас почти не дошли, но большинство ученых считают – только меньшая часть населения Северо-Востока жила в Волго-Окском междуречье, в пределах досягаемости князей Владимира, Суздаля и Ростова. На этой территории господствует двухполье и трехполье, а земледельцы платят князю налоги. Но большая часть населения Северо-Востока и в XIII и в XIV веках вела подсечно-огневое земледелие и

жила фактически вне зоны досягаемости княжеской власти. Вот он, славянский Восток!

В Московии, как это и должно происходить на славянском востоке, крайне долго переживались и самые отсталые формы хозяйства, и самые примитивные, везде уже изжитые формы культуры.

В Московии в Заволжье, в Предуралье подсечно-огневое и переложное земледелие господствовало до XV века. Исчерпав возможности переложного земледелия, все территории Московии перешли к классическому типу хозяйства – трехполью с навозным удобрением. Почвы были малопродуктивны. Есть много свидетельств тому, что коров держали не на мясной или молочный скот, а в первую очередь для получения основного удобрения – навоза.

Мало того, что этот тип ведения хозяйства тоже не давал особых возможностей для развития. И в XVI–XVII вв., и даже в XVIII–XIX вв. по-прежнему не было необходимости в интенсификации хозяйства. Можно было просто перенести привычные формы хозяйства на почти не населенные, практически не освоенные пространства востока и северо-востока – в первую очередь Приуралья и Сибири.

В результате многих вопросов развития «как будто» можно было и не решать. Древние уравнивательные принципы постоянных пределов земли, отказ закреплять землю в пользование отдельных семей и частных лиц, абсолютное господство коллективного землевладения были возможны... Ров-

но потому, что не было действительно острой необходимости получать все больше продукции с тех же или даже меньших площадей. «Избыточное» население всегда могло «выселиться» на еще свободные земли.

Переселенческая политика П.А. Столыпина показывает, насколько серьезно относились к идеям «земельной тесноты» и переселенчества во всех слоях русского общества. Даже культурнейший, образованнейший представитель придворных и правительственных кругов, проводивший политику передачи земли в частные руки, развала общины и модернизации всего русского общества, считал жизненно необходимым дополнять эту политику облегчением переселиться на «свободные» земли для тех, кого его же политика лишала прежнего места в жизни. То есть, помимо необходимости трудиться интенсивнее, искать новые социальные и экономические ниши, столыпинская политика одновременно давала возможность избежать этих трудных, неприятных действий и просто переносить привычные формы хозяйствования и жизни в Сибирь и на Дальний Восток.

Приходится признать, что невероятно долго сохранявшиеся, дожившие до XX века установки на экстенсивное природопользование вовсе не свойственны западным украинцам-волынянам. Но зато очень свойственны великороссам.

На Северо-Востоке Руси волей-неволей приходится быть коллективистом. Уже потому, что в континентальных областях начинается зона рискованного земледелия. Бешеная ра-

бота «на рывок» ведется без гарантированного результата, и в любой год может «хлопнуть» неурожаем.

Неосвоенные и мало освоенные земли физически недоступны одному человеку, даже семье. Чтобы прорываться в земли, населенные угорскими охотниками, поднимать целинные земли, а потом отбиваться и от муромы, и от татарских набегов, приходится действовать сплоченной группой, не расчлененной на индивидов. Взаимовыручка, взаимная поддержка были везде; вопрос, в каких соотношениях с ценностями индивидуализма. На Северо-Востоке баланс был один, в пользу общины. На Киевщине, тем более на Волини, – совсем другой.

Поднимать целинные и залежные земли было под силу большесемейной общине. Женатые братья в такой общине не расходились и не начинали вести отдельные хозяйства. Десятки людей, несколько взрослых мужчин со своими сыновьями, жили вместе, во главе с дедом – большаком. Большак оставался непререкаемым авторитетом при распределении работы, при разделе ее результатов. Он же отвечал за всю семейную общину перед властями.

Большесемейная община была удобна и властям. Через глав общин, большаков, гораздо легче было управлять людьми, чем имея дело с каждым работником по отдельности.

Групповщина, идеализация жизни в «обществе»; требование от индивида отказаться от развития своей личности,

от экономической и социальной самостоятельности во имя жизни в коллективе. Культивирование общинных ценностей и представлений; глубочайшее недоверие к индивидуальности. Неодобрение, насмешливость к любым проявлениям «самости». Стремление любой ценой доказать «неправоту» всякого, кто пытается жить не в группе. Мстительность, злоба по отношению к «предателям», которые все-таки выломились из общины, – все это естественнейшие черты общественного мировоззрения; они просто не могут не сложиться.

Северо-Восточная Русь исходно оказывалась некой мировой провинцией. Не «провинцией Руси», а именно провинцией мировой, цивилизационной. Слишком долго надо было идти в глухие леса Волго-Окского междуречья, слишком далеко находились любые центры цивилизации от Владимиро-Суздальского княжества. Это было свойственно уже Киевской Руси, на Северо-Востоке черты изоляции, провинциальности умножились многократно.

Ведь Северо-Восток Руси поневоле имел дело не с центрами иных цивилизаций, а с их перифериями. Не с Римом, а с Вильно; не со Скандинавией, а с Новгородом; не с Византией, а с Юго-Западной Русью, в лучшем случае – с Болгарией.

Качество таких контактов, конечно, оставляет желать лучшего при совершенно любых поворотах истории, при любой интенсивности взаимного влияния. Но и сами контакты с внешним миром, пусть с периферией цивилизаций и стран,

практически прерываются после нашествия монголов.

С конца XIII века Северо-Восточная Русь словно бы выпадает из европейской истории, из поля зрения европейских историков, политических деятелей, писателей.

Контакты с Западной Русью и с Новгородом у Европы все не прервались. После Кревской унии Великого княжества Литовского и Польши в 1385 году такие связи стали много интенсивнее и крепче, чем раньше. Русских все лучше узнавали в Европе. Но Северо-Восточная Русь прервала контакты и с Западной и с Юго-Западной Русью. Чем дальше, тем больше Московия впадала в самолюбование, своего рода спазм самодостаточности, исключаящее возможность нормальных контактов.

И еще одно... Если население редкое, информация передается медленно. Многие жители Волго-Окского междуречья в XII веке, заволжских лесов в XIV веке видели других людей раз или два раза в год, живя практически в полной изоляции от всего мира. Даже самые важные события тогдашнего мира доходили до них с большим опозданием, и к тому же могли и не иметь большого значения для этих людей. Ни от того, что галицкий князь Роман отбил монгольскую орду в 1254 году, ни от захвата монголами Киева в 1240 году, ни от заключения Кревской унии в 1385 году в их жизни не изменилось решительно ничего.

Аналогии очевидны: так, для жителя США или Австралии ничего не менялось от того, что пруссаки в 1870 году

победили французов или что Британия и Англия составили военный союз. Урожай кукурузы для жителя штата Айова и качество овечьего руна в колонии Виктория оставались важнее далекой, никак не сказывающейся на жизни политики.

Провинциальность Северо-Востока имела сразу два достаточно неприятных следствия:

во-первых, отставание Северо-Восточной Руси от остальных стран и Европы, и Азии. Этому способствовал и монотонный, везде одинаковый ландшафт, и переживание древних форм ведения хозяйства и общественной жизни, исчезнувших в других местах. Но не только! Изоляция очень мешала Северо-Востоку Руси просто хотя бы понимать, что же вообще говорит «другой», не навязывать «другому» собственные представления. Для понимания нужен хоть какой-никакой культурный уровень, а его-то порой и не хватает;

во-вторых, этноцентризм, переживание племенной ограниченности. Если себя не с кем сравнить, «свое» начинает казаться чем-то единственно возможным, само собой разумеющимся, свойственным всем людям и так далее.

В этих условиях могло произойти только одно: любые идеи, любые духовные ценности, пришедшие из других стран, должны были преобразоваться в соответствии с местными ценностями и установками. Ведь влияние внешнего мира все равно очень невелико; так, вроде еле уловимого ветра. В результате все, что приходит извне, чаще всего ста-

новится только формой, в которой суть – это местные представления. Эти местные ценности все время могут менять внешние проявления, принимать другую форму, но по существу они от этого не изменяются.

Большесемейная община может считаться угодной местным богам, а может рассматриваться как идеал угодного христианскому Богу соборного общежития... Ну и велика ли разница?

Особый тип славянской культуры

На Северо-Востоке возникает своеобразный вариант славянской цивилизации, малопохожий на другие. Здесь формируется, если хотите, особый тип человека – воспитывается россиянин, мировоззрение и мироощущение которого сильно отличается от мировоззрения его собрата из Киевщины или Волыни.

Попробую привести в систему и последовательно показать хотя бы основные черты этого «северо-восточного» мироощущения.

1. Во-первых, это расточительность. Готовность расточать и природные ресурсы, и человеческие, и в природе, и по отношению к самим себе, и к обществу.

В обществе, где главное – владеть природными богатствами, тот, кто расточает, бросает без толку, портит, кто владеет и не использует, – богат. Так было везде, и у индейцев

Северной Америки было даже специальное название для пира, на котором не столько едят и пьют, сколько показывают друг другу, сколько могут перепортить и расточить: потлач. На потлаче рубили топорами целые, только что сделанные лодки, выбрасывали в реку новые одеяла и рубахи, сжигали муку и копченое мясо: чтобы все видели – я это могу!

Всякий, кто бывал на русской свадьбе, не усомнится – элементы потлача есть и в нашем празднестве! Избыточный, безумно расточительный, многократно перекрывающий удовлетворение любых потребностей пир должен показать всем: вот, мы богатые, мы это можем!

При этом демонстрация даже самой разумной бережливости, трудолюбия, умения сохранить материальные ценности кажется этим людям чем-то почти что безнравственным.

Северо-Восток Руси расточителен и в отношении природных ресурсов. Проявляется это так широко, и можно привести столько примеров, что остановлюсь только на одном, зато ярком. В России-Московии до сих пор строят дома из круглого леса. Эта расточительная привычка так обычна, так естественна для россиянина, что он способен искренне недоумевать: а что, бывает по-другому?! Бывает.

В Китае строить из круглого леса перестали еще во времена Конфуция. В Японии леса шумели еще в конце Средневековья. Сохранилась очаровательная легенда о том, как при строительстве дворцов в городе Киото, в VIII веке, придворные дамы остригли волосы, чтобы сделать из них кана-

ты, подтягивать бревна на высоту: обычные веревки рвались от несусветной тяжести. Но и в Японии века с XV из круглого леса не строят.

В Западной Европе уже в XIV–XV веках перешли на более аккуратную, менее расточительную технологию.

Восточная Европа – единственный регион Земли, где из круглого леса строят после XV века, а Русь – после XVIII.

Так же точно расточителен россиянин и в отношении собственных талантов и способностей.

Нельзя сказать, что он равнодушен к таланту вообще. Нет, конечно. Скорее россиянин восхищается им точно так же, как и всякий другой человек. Но восхищается им, радуется ему – природному.

Талант хорошо иметь, но развивать его, использовать его – необязательно, и даже нежелательно. Тот, кто слишком уж бережно относится к своему таланту, холит его, боится потерять, обязательно вызовет недоброжелательное, насмешливое отношение. А уж тот, кто потребует от окружающих... нет, не потребует, это вам не Европа и не Япония. Тот, кто захочет, чтобы его способности давали ему какое-то преимущество, могли бы его кормить, вызовет уже не насмешку, а настоящую тяжелую злобу. «Что, умный сильно?!» «Умнее всех быть хочешь?!» И прочие сентенции, которые в более счастливых странах услышишь разве что на Дворе отбросов или на Дворе чудес. Психотип уголовного или люмпена на Северо-Востоке Руси может проявиться и у верхов обще-

ства.

Приумножать природный талант для россиянина – это даже как-то нечестно. Это какая-то попытка выделиться, обогнать кого-то, сделаться «лучше», и к тому же «неправильным», нечестным путем – не за счет того, что и так, само собой дано, а за счет собственного труда.

Раз беречь талант глупо, трудиться над ним, совершенствовать его – аморально, то и уважается не тот, кто совершенствует данное ему от Бога. А тот, кто владеет, и независимо от того, насколько умно распорядился. А тот, кто владеет и расточает, – это вообще прекрасный, в высшей степени «правильный» человек. Не случайно же русская литература полным-полна очень положительных, сочувственно подаваемых пьяниц – причем богато одаренных от природы. Из зрелища гибнущего таланта россиянин извлекает, похоже, столько же положительных эмоций, сколько индеец – из зрелища горящей лодки или выброшенной в реку муки.

Россиянин последовательно расточителен и в отношении возможностей. Ему и непонятно, и неприятно, что надо уметь «ловить волну», видеть благоприятное стечение обстоятельств, использовать случай. Точно так же, как больше всего уважается тот, кто владеет талантом, но его не развивает, наиболее уважаем тот, кто обладал возможностями самосовершенствования, накопления богатств или политической карьеры, но никак их не реализовал. Как герой В. Шефнера бросает вдруг поступать в институт, лишь бы быть поближе

к любимой девушке. И девица считает жертву такого рода не признаком того, что парень сильно ушибся головой, и все остальные герои относятся к шизофреническому поступку более чем лояльно. И читатели, наверное, тоже, ведь парень продемонстрировал: своими талантами он готов потеряться. Значит, его поведение соответствует культурной норме².

Как личность расточительна в отношении своих возможностей, так же расточительно и общество в отношении своих. И в отношении материальных ценностей, и в отношении жизней и судеб отдельных людей. Действительно, зачем беречь жизни и судьбы людей, если они ничем не отличаются один от другого, а самореализация каждого – почти что аморальна?!

Сохранилась история, одна из тех, в подлинности которой трудно быть уверенным. 1703 год, штурм Нарвы. Перед каждым проломом в стене – груды трупов – гвардейцев Петра. Многих Петр знал лично, со многими был дружен. И Петр заплакал, глядя на эти еще дымящиеся груды мертвецов. Борис Петрович Шереметев подошел сзади, положил руку на плечо царя – пятидесятилетний приласкал тридцатилетнего: «Не плачь, государь! Что ты! Бабы новых нарожают!»

Комментариев не будет.

2. Итак, ценится не созданное трудом, а обладание чем-то природным. Обладать чем-то природным – это ценится вы-

---

² Шефнер В. Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала // Шефнер В. Скромный гений. М., 1997. С. 23.

соко! И в то же время поразительно малое значение придается труду.

Природное, натуральное – ценнее и важнее созданного человеком. Поэтому все, связанное с пассивностью, с экстенсивным отношением к действительности, положительно эмоционально окрашено, оно высоко ценится в обществе.

«Простой человек» – это у нас до сих пор звучит как комплимент. Как раз интенсивно жить – это по российским понятиям глубоко неправильно. «Деловой!» – слово вполне определенно отрицательной окраски. Оценивая кого-то как «делового», россиянин обычно укоризненно качает головой.

3. Режим сельскохозяйственного года заставляет работать на рывок.

Такой режим труда вообще очень уважается и ценится уже и в тех сферах, где труд вполне можно распределить равномерно. Сколько насмешек вызывает у россиян привычка работать по часам, ритмично отдыхая или обедая в точно установленное время!

Россиянин до сегодняшнего дня неколебимо уверен, что все можно решить через безумный рывок. Что отставание по времени, утраченные возможности, сделанные глупости могут быть и невозстановимы. Ничего! Сделаем рывок – и все в порядке! Россиянина крайне трудно отвлечь от любого, самого пустого развлечения потому, что «пора работать». И не потому, что он ленив. Он уверен, что наверстает упущенное во время рывка, а осуждается как раз «деловой» и «гоноши-

стый» человек, который разбивает компанию, суетится и мешает остальным пить чай и курить, чтобы идти работать.

На рывок работать невозможно везде, где необходима строгая технологическая и исполнительская дисциплина. И потому все наукоемкие технологии и сложные производства вызывают внутренний протест, эмоциональное осуждение россиянина.

Из традиции работы на рывок вырастает и судьба, индивидуальная жизнь на рывок. То, о чем мы говорили, анализируя тексты Высоцкого.

Вся жизнь общества – на рывок. И государственная жизнь. Сама история – на рывок. История делается на рывок людьми, живущими как в затяжном прыжке, работающими по 20 часов в сутки, не видящими неделями собственных детей и органически неспособными понять, что они обедняют самих себя, собственную жизнь.

Выдумка большевиков? Но таковыми были и сподручные царя Ивана Грозного – самого русского, самого православного царя за всю историю Московии. И Петра I. И очень многие соратники Александра I и Александра II.

4. Неизбежным следствием изоляции страны и переживания всего, умершего в других странах, становится архаика. Русский Северо-Восток – невероятно отсталый регион славянского мира. Племенные мифы, племенные представления, давно умершие в других местах, здесь «благополучно» сохраняются так долго, что начинают уже казаться не

признаком отсталости, а проявлением некоего национально-го духа, культурной специфики или «загадочной русской души».

Россиянин и в XVII, и в XIX, и даже в XX веке культивирует представления о том, что человек «должен» входить в некую общность, что находиться вне общности «неправильно» и едва ли не аморально. Он намного сильнее европейца, что человек и оценивается по тому, к какой общности принадлежит и какое место в ней занимает.

Реально россиянин даже в XIV, не говоря о XVII, веке живет в мире сущностей, несравненно более сложных, чем род и племя. Получается, что его племенные представления естественнейшим образом переносятся на государство, религию, народ, на государственную политику и на отношения людей. Даже иностранцев судят по тому, насколько они хороши по представлениям родо-племенного общества.

«Хорош» и в XVII веке оказывается только тот, кто умеет вести себя по нормам времен вторжения франков в Галлию, взятия славянами Топера и вандалов, срывающих в Риме с храмов позолоченную черепицу.

5. Еще одна важнейшая особенность, без которой трудно понять Северо-Восток, – это его провинциализм. Когда у людей нет реального представления о происходящем в мире, о его масштабах и о действительно важных событиях, представления о самих себе, говоря мягко, искажаются.

В одном из писем к первому президенту США Георгу

Вашингтону, если не ошибаюсь, в 1777 году, некто писал: «Весь мир с нетерпением следит, продадите ли вы акции этой компании!»

На русском Северо-Востоке так же наивно были уверены, что «весь мир» только и делает, что следит, как поступит один князь (чаще всего – еле заметный князек) по отношению к другому или какие важные для всего человечества решения примет вече города или городка. Воистину, «весь мир следит за тем, будете ли вы брать по одной или по две беличьи шкурки с воза товаров!».

Забавно, но и по сей день многие жители Российской Федерации свято убеждены, что в их стране происходит нечто невероятно значимое. А на попытку показать им истинное место Российской Федерации в современном мире (что поделать? Очень скромное место) они реагируют чисто эмоционально: уходом в истерику, в «дурное расположение духа» или в прямую агрессию.

Эти люди толком не знают всего остального мира, за пределами своих единоплеменных лесов, и с легкостью необычайной приписывают ему самые невероятные вещи. Так средневековые географы, несколько веков отрезанные от всего мира, кроме закоулков родной Баварии или Аквитании, непринужденно рисовали «живущих» в Африке лемний с глазами на груди, обитающих на Северном полюсе одноногих людей, копающих индийское золото «муравьев ростом с большую собаку», столь замечательно описанных Хоттабы-

чем в его гениальной сказке для пионеров³.

Но ведь такими же фантастическими представлениями о внешнем мире жила Московия и после того, как весь мир уже вышел из Средневековья. «Говорят, такие страны есть... где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой – салтан Махнут персидский; и суд творят... они надо всеми людьми и что ни судят они, все неправильно. И не могут они... ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. А дальше земля есть, где люди с песьими головами...»⁴

У меня нет причин сомневаться, что такого рода диалог полуграмотной странницы Феклуши и сенной девушки Глаши был вполне возможен. А.Н. Островский всегда точен в своих описаниях и вовсе не возводит напраслины на своих кошмарных героев. Стоит только вспомнить, что волжские купцы XIX века – современники героев Жюль Верна и Фенимора Купера.

Впрочем, самые фантастические представления о внешнем мире были обычны и для полуизолированного СССР. В 1989 году многие, и не только деревенские бабки, кинулись раскупать соль и спички: «Германия соединяется! Как соединится – война будет!» Какое анекдотическое представление должно существовать о ФРГ в головах этих людей,

---

³ Лажечников И. Старик Хоттабыч. М., 1958.

⁴ Островский Н.Н. Гроза // Островский Н.Н. Собр. соч. М., 1956.

всерьез ожидавших войны! Как далеки их бредни от сколько-нибудь реальной картины.

Так же анекдотичны порой и представления москвитов о том, что же лежит в основании современной им культуры Запада и Востока. Уже в конце XX века Карен Хьюит вынуждена была написать книгу специально для «советских» людей; объяснить, что Запад – это вовсе не те глупости, которые они про Запад напридумывали⁵.

Точно так же, разумеется, не ведают они и Востока, и только свои предельно невежественные оценки кладут в основу представлений: «Восток» это или «Запад» проявляется в их жизни?

Без этого провинциального невежества, вызванного оторванностью от центров цивилизации, нам не понять Северо-Востока.

Если знать природную обстановку, в которой развивается цивилизация, и знать особенности мировоззрения тех, кто ее создает, можно довольно точно предсказывать «поведение» самой цивилизации. Чем будет эта цивилизация для самих ее создателей? Для соседей? В какую сторону пойдет ее развитие?

Попробую привести особенности «Северо-Восточной» цивилизации в виде нескольких пунктов... просто чтобы упорядочить материал.

1. Во-первых, это будет цивилизация, в основу которой

---

⁵ Хьюит К. Понять Британию. М., 1993.

лягут очень архаичные, пережиточные формы культуры.

По неизбежности, независимо от своего желания, эта цивилизация будет ориентироваться на экстенсивные формы развития, на общинное сознание, на групповые формы поведения людей.

В этой цивилизации племенные мифы будут переживать-ся очень долго, а мифологические представления о самих себе будут культивироваться. Всем окружающим народам эти архаичные мифы будут навязываться и силой убеждения, и силой оружия.

Племя не знает, да и не желает знать, как оно выглядит со стороны. Для племени ценно только то, что само племя изволит считать истиной. Эта истина в последней инстанции будет предъявлена всему миру, а множество юношей и молодых мужчин будут готовы умирать, чтобы заставить окружающих принять их племенные ценности как единственно возможные.

2. Цивилизация будет ценить отделенность от «других», изоляцию, отсутствие любых контактов с «не своими». Даже принужденные жизнью к теснейшему общению с «другими», представители этой цивилизации будут нуждаться в «отходе», в прекращении контактов, во вдумчивом погружении в «свое», в традицию. Хотя бы часть своего времени жизни самые знатные, самые элитные носители этой цивилизации будут тратить на уход в привычные ландшафты (в первую очередь – в лес), на ведение привычного образа жизни.

3. Какие бы заимствования из внешнего мира ни принимала Северо-Восточная Русь, она неизбежно обречена на выращивание собственных версий любой заимствованной культуры. Католицизм, православие, ислам – все переплавится в этой изолированной от прочих цивилизации, сквозь любую идею прорастет местная традиция Северо-Востока.

4. Вполне очевидно, что на Северо-Востоке может родиться только цивилизация, чья история пойдет на рывок. Эта цивилизация постоянно будет делать сверхусилия, вплоть до полнейшего расточения своих сил и возможностей, а потом спокойно жить неограниченно долгий срок.

Причем на все внешние воздействия, по крайней мере на достаточно сильные, такая цивилизация будет реагировать в основном новыми рывками – хорошо, если в мирном строительстве.

5. Эту цивилизацию почти невозможно завоевать: врагу жители Северо-Востока Руси всегда противопоставят очередную рывок – только на этот раз военный. Множество людей проявят исключительное мужество, даже героизм, колоссальную самоотдачу, готовность совершать устрашающие и восхищающие сверхусилия.

Если враг и ворвется на Северо-Восток, он окажется в малонаселенной бедной стране с суровым климатом. Здесь трудно прокормить большие армии, рано наступает зима, результаты завоеваний не особенно окупаются. А население и после поражения своей армии продолжает совершать свер-

хусилия в партизанской борьбе. В общем, невеселая картина.

6. Эта цивилизация всегда будет опасной для соседей. Уже потому, что при своем упорном массовом героизме, упертой готовности выкладываться до предела ее жители – просто идеальные солдаты. Они неприхотливы и довольствуются совсем немногим. Они отчаянно храбры в атаках, крепко-упорны в обороне. Они мало берегут и самих себя, и противника, готовы жертвовать намного большим, чем солдаты врагов, и притом их нельзя назвать ни маниакально жестокими, ни злобными.

Глава 2

Русь на Северо-Востоке

*И с честной поссоритесь вы стариной,
И предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом обратимся к обдорам!»*
Граф А.К. Толстой

Рост Северо-Востока

Ростов Великий, Ростов с выразительным названием Залесский – единственный по-настоящему старый, упоминаемый в летописях под 862 годом город Северо-Востока. Вообще же места к северо-востоку от Оки лежали дикие, «непроезжие» и «непрохожие», а страшные муромские леса, полные диких зверей и нечистой силы, вошли в пословицу. В X веке наметилось переселение на Северо-Восток, в междуречье Волги и Оки. Не куда угодно, а на так называемые ополья: загадочные области распространения черноземов. Происхождение ополей до сих пор совершенно неизвестно и необъяснимо, но предки вряд ли задумывались о естественной истории ландшафта.

Ручеек переселенцев быстро растекся по опольям и начал

перехлестывать в Поволжье, по рекам бассейна Волги. Еще в XI веке на Северо-Востоке славян меньше, чем финно-угров из племени меря! Стремительный рост населения, рост городов, ассимиляция меря...

Ярославль основан в начале XI века Ярославом Мудрым.

Суздаль впервые упомянут в летописи под 1024 годом.

Владимир основан лишь Владимиром Мономахом в 1108 году, в глуши диких, неосвоенных лесов. Мономах в своем «Поучении» с особым удовольствием упоминал, что прошел «сквозь вятичи».

На месте Москвы до 1147 года было село с укрепленным двором боярина Кучки. Может быть, Кучка был и хороший человек, но ни сам он, ни его предки или потомки никак не прославили себя ни в каких областях: ни в делах государственных, ни в науках и искусствах, ни в ведении военных действий. Так, некий первобытный боярин, сидевший всю жизнь за неперелазным дубовым тыном. И вся территория Северо-Востока такова же. Боярин Кучка – живой символ своей земли.

В X веке на Северо-Востоке было только одно княжество: Ростовское, с XI века – Ростово-Суздальское, и столица его была в Ростове.

По завещанию Ярослава Мудрого Северо-Восток достался Всеволоду, от него Мономаху. С 1093 года Мономах сажает Юрия уже не в Ростов, а в Суздаль.

В 1155 году Юрий Долгорукий добивается киевского пре-

стола и перебирается в Киев. Само прозвище князя отражает отношение к Северо-Востоку – в XII веке Суздальское княжество оставалось дальней диковатой периферией. Если он захватил Киев – далеко же протянулись его руки! Из-за муромских лесов с соловьями-разбойниками, из-за болот с кикиморами.

И более поздние князья Северо-Востока сохраняют длинные руки. Сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо сажает на престол даже князя Галича Владимира Ярославовича, переписывается с византийскими императорами и с германским императором Фридрихом Барбароссой. Другие князья называют его «господином», его волю выполняет даже киевский митрополит.

Юрий Долгорукий и его сыновья, сначала Андрей, потом Всеволод, правят в местах, где сто лет назад между редких деревень бродили медведи и лоси. А командуют чуть ли не всей Русью! Взрывообразный, невероятный рост за каких-нибудь полтора века.

Возникает естественнейший вопрос: а почему вообще на северо-востоке зреют такие мощные силы?

На этот вопрос я в состоянии дать только один ответ: а потому, что на Северо-Востоке всегда очень много новых природных ресурсов. Границы Юго-Западной, Южной и Северо-Западной Руси неизменны всю их историю, с VIII до XIX века. Галицкие князья в начале XIII века делят и переделывают ту же самую землю, что была у них и в XI веке, и в X.

В точности как французские и английский феодалы.

А Северо-Восток постоянно растет, прирастает, двигаясь на восток – пока только за счет освоения Волго-Окского междуречья. К XIV–XV векам, во время возвышения Москвы и превращения Северо-Востока в Московию, наступит время Поволжья и Заволжья. С XI по начало XVI века Северо-Восточная Русь (к тому времени уже Московия) увеличивается в размерах в несколько раз. А восточные пределы все еще распахнуты, и наступает время освоения Заволжья, Приуралья, Башкирии. К концу XVI века русские начнут осваивать Урал, открывая дорогу на Сибирь.

Это, конечно же, только экстенсивный рост. Но этот экстенсивный рост так стремителен, что позволяет Северо-Востоку расти, крепнуть, накачивать экономические и военные мышцы значительно быстрее, чем благодатному Юго-Западу и динамичному, активному Северо-Западу.

Здесь всегда есть место для новых поселенцев, есть природные ресурсы для строительства городов, снаряжения армий, для ведения активной политики.

Традиции тут слабы: значит, есть место для появления новых политических традиций.

Реализованное честолюбие

В 1155 году князь Андрей Боголюбский самовольно покидает город Вышгород, выделенный ему отцом на Юге Ру-

си. С точки зрения князя, на Юге было слишком шумно и беспокойно, не то что на Северо-Востоке. В 1157 году умер отец, Юрий Долгорукий, и он, старший сын, сделался князем в Ростове.

Княжение Андрей Боголюбский начал с того, что выгнал из Ростова младших братьев и племянников и покинул богатый вечевыми традициями Ростов, перенес столицу во Владимир. Во Владимире не было веча. С 1157 года столица все того же княжества перемещается во Владимир. Теперь государство называется Владимиро-Суздальским княжеством (Ростов же делается окончательно не важен).

Андрей Юрьевич показал себя не самым худшим из русских князей и делал немало разумного: населял Владимир купцами и ремесленниками, заботился о промыслах, построил Успенский собор. Однако политическую традицию он изменил: не полагался на бояр и старшую дружину и выслал за пределы княжества старших бояр, служивших его отцу. Князь правил, опираясь на «молодшую дружину», на «отроков», преданных ему лично. По словам летописца, он хотел быть «самовластцем» Суздальской земли... и, что характерно, он им стал!

Первым на всей Руси Андрей Боголюбский последовательно опирался не на землевладельцев-бояр, которые от него мало зависели, а на тех, кто зависел лично от него: от данной им земли, от пожертвований и «кормлений». Выставляя вон всех, кто служил его отцу, был экономически неза-

висим и мог с ним поспорить, Андрей Боголюбский окружал себя только лично преданными, зависящими от него лично людьми.

Первым на Руси пытается вторгнуться Андрей Боголюбский и в дела Церкви: выгнать из Ростова неугодного ему епископа Леона и поставить «своего» епископа, Феодора. Князь хотел даже создать вторую митрополию на Северо-Востоке, помимо киевской, и все с тем же Феодором, «своим человеком» во главе. Получилось плохо, потому что патриарх константинопольский новую митрополию основывать отказался, Феодор же оказался замешан во множестве преступлений. Пытками вымогал он себе «достояние», резал неугодным прихожанам языки и выкалывал глаза.

К тому же Феодор отказался отправить жену в монастырь. Такова была обычная практика – епископу «подобает девство», и если священник становится епископом – то жену в монастырь, дело житейское. Сколько матушек, не пожелавших идти в монастырь, было попросту отравлено, мы уже никогда не узнаем. За свое «преступление» Феодор получил в народе презрительную кличку «феодорец белый клубочок» – белый клубок подобал священнику, имеющему приход и живущему в нем с женой.

Не могу отделаться от мысли – попался бы на пути князя Андрея Боголюбского «свой человек» поподлее, поциничнее, погаже, который отделался бы от жены без лишних проблем, – князь наложил бы лапу и на церковные дела. Что и

сделали потом его потомки.

Князь Андрей Боголюбский, даже окружив себя «молодшей дружиной» и «отроками», не остался во Владимире, а построил укрепленный княжеский городок Боголюбово и возле него – знаменитый Спас-на-Нерли, при впадении Нерли в Клязьму. Даже сейчас белокаменное чудо Спаса и Успенского собора производит сильнейшее впечатление. Даже на тех, кто видел Зимний дворец, Кремль и Владимирскую горку в Киеве, – производит. А тогда свежий тесаный камень сахаристо сверкал на солнце, и Спас-на-Нерли, поставленный на насыпи, посреди заливного Богородичного луга, при слиянии рек, был виден за десятки верст. Храм был первым, что бросалось в глаза купцам, послам, боярам и дворянам, приезжавшим в Боголюбово или Владимир, поднимавшимся за этим по Клязьме или спускавшимся по Нерли.

Князь получил кличку «Боголюбский»... истово религиозный, он не пожалел денег на Спас-на-Нерли и на Успенский собор, искренне интересовался делами Церкви, вел долгие беседы с учеными-богословами. Лично меня не удивляет большая религиозность этого нарушителя традиций: пока действуешь как часть группы, клана или рода – все просто. Группа, клан и род несут ответственность за то, что происходит с тобой, и за результаты твоих дел.

А вот если ты сам, лично, «от себя» творишь нечто, то ты, получается, лично стоишь перед миром... Не в составе

рода и семьи, не как часть правящего клана. А лично. Сам по себе. Есть ты, и есть Тот, перед Кем, хочешь или не хочешь, нести ответ.

Князь Андрей религиозен? Неудивительно!

Судьба самодержца

Не уберется князь Андрей и был убит мятежными боярами в ночь с 28 на 29 июня 1174 года в дорогом его сердцу Боголюбове. В центре заговора стояли дети, внуки, зятья боярина Кучки, владельца Москвы. Бояре не любили и боялись Андрея, который правил без них, окружал себя «некачественными» людьми, старался подавить всех, кто от него независим. Среди заговорщиков оказался и осетин Анбал, ключник князя. В эту проклятую ночь он украл из спальни князя его меч... Князь, никогда не расстававшийся с мечом, оказался совершенно безоружен.

Убийцы прошли во дворец ночью вооруженные. Семеро профессиональных воинов с мечами и копьями ворвались в спальню, стали рубить и колоть князя. Но князь сам напал на них! Так успешно напал, что даже убил одного из нападавших.

– Нечестивцы! Какое зло я вам сделал?! – кричал князь.

Убийцы кинулись прочь, унося с собой лежащего на полу человека... Только на улице, при свете луны и звезд (ведь стояла ясная июньская ночь!), убийцы поняли, что не доде-

лали злого дела: голос князя Андрея звучал в ночи, раненый князь громко стонал. Убийцы кинулись назад... в неверном свете факелов не оказалось князя в спальне, потому что за эти несколько минут князь встал, «побежал под сени... и скончался», как пишет летописец.

Кровавый след и стоны помогли убийцам найти его, уже почти спасшегося. Известно имя того, кто отсек князю правую руку: Петр, зять боярина Кучки. И, сделав свое дело, убийцы беспрепятственно ушли.

Почему никто не помог князю?! Ну ладно, ключник Анбал его предал... А как же «молодшая дружина» – сотни профессиональных воинов, каждый из которых всем был обязан Андрею Боголюбскому?! Наверняка во дворце была охрана, и ответ может быть только один, довольно грустный: охрана тоже изменила князю. Пусть и не убивали благодетеля, но и не спасли, когда он со стонами, пятная собственный дворец кровью, пытался спрятаться под сени. А потом дали убийцам удалиться.

Православная Церковь канонизировала князя Андрея, и его мощи в роскошной гробнице находились в Успенском соборе во Владимире. Уже в XX веке, по словам советского историка, «революционный народ не почитает мощей, и многие мощи, служившие раньше для обмана верующих, были публично вскрыты и ликвидированы. При этом нередко выяснялось, что в гробнице «святого» [кавычки автора цитаты, не мои! – А.Б.] лежали вовсе не человеческие кости, а

кости животных»⁶.

Но только вот ведь беда! Исследование костей скелета, несколько столетий пролежавшего в Успенском соборе, полностью подтвердило – это скелет Андрея Боголюбского. Более того, изучение скелета позволило объяснить некоторые странности в описании летописца.

Например, у историков давно были сомнения – не преувеличил ли летописец героизма князя Андрея. Мог ли человек в 64 года, безоружный, оказать такое эффективное сопротивление нескольким опытным воинам и даже кого-то убить?! Но в Успенском соборе лежал человек, чей «скелетный возраст был меньше паспортного», как высказались ученые на профессиональном жаргоне. Физиология и физическая мощь Андрея Боголюбского в момент смерти соответствовала не 64, а скорее 50–55 годам.

Левая рука скелета была перерублена в нескольких местах, а потом совсем отрублена. Летописец писал о правой руке... видимо, он пытался усилить впечатление от описаний зверского убийства – отрублена-де «главная», правая рука, которой рубился князь. Но вот на рисунке в более поздней летописи показано как раз, как убийцы отсекают именно левую руку... Думаю, все с самого начала хорошо знали, что речь идет именно о левой руке, и понимали, почему, если у князя не было щита, он вполне мог обмотать чем-то левую руку и использовать ее в качестве щита. Так делали, если

---

⁶ Рабинович М.Г. Судьбы вещей. М.: Детгиз, 1973. С. 89.

не было другого выхода, и иногда собственная рука служила надежной защитой; несколько слоев плотной ткани или кусок шкуры все-таки смягчали удары, и воин, даже получив серьезные ранения, все-таки оставался в живых.

Видимо, убийцы и отрубили эту руку потому, что она и так держалась «на ниточке», а они страшно торопились.

Летописец называл Андрея Боголюбского «жестковейшим» – то есть не наклонявшим головы. Князь всегда держал голову немного откинута, глядя на собеседников гордо, непреклонно. А у скелета в Успенском соборе оказались сросшимися несколько шейных позвонков! Человек, похороненный в Успенском соборе, при всем желании не мог бы держать голову и шею иначе. Так что летописец в своем определении – «жестковейший», назвал князя Андрея очень точно – шея у него и впрямь была крайне «жесткая», в самом буквальном смысле. Летописец, конечно же, имел в виду совсем другое, да и все окружающие были уверены – осанка князя доказывает вовсе не костную болезнь, а его страшное высокомерие, заносчивость...

На скелете было множество следов «прижизненных ранений» – то есть поражений костей, заживших за годы жизни. А кроме них, множество ранений, которые никогда не зажили... Ранений, нанесенных темной ночью 29 июня 1174 года. Рубящие удары нанесены были по затылку, в плечевой сустав, плечо, предплечье, кисть руки, в бедро, колющие удары – в лоб, в бедро, в плечо – и все удары наносились сбоку

и сзади.

Анатомы и антропологи считают, что уже первые ранения были смертельными: убийцы долго рубили человека, беспомощно лежащего на правом боку. Ранения эти ясно показывают – погиб этот человек не в бою, не в поединке... Он был подло убит. Убийцы, скорее всего, сами смертельно боялись его, истекающего кровью, беспомощно лежащего: иначе зачем так долго рубили покойника? Так же вот и на Юлии Цезаре насчитали 27 смертельных ран: убийцы не могли остановиться.

Так что ученые вынуждены были разочаровать «революционный народ» – на этот раз попы не обманули рабочих, и в Успенском соборе лежал действительно Андрей Боголюбский, а не «кости животных».

Как только брат Андрея Всеволод Большое Гнездо вошел с дружиной в Боголюбово, он тут же отомстил за брата. Характерно, что убийцы не бежали в другие земли, и ни одному из них не достало мужества покончить с собой. Семерым главным убийцам подрезали поджилки, чтобы они не могли двигаться, положили в просмоленные гробы и утопили в озере в Богомилове.

Всеволод правил долго, почти полвека – до 1212 года. А сына Андрея Боголюбского он выгнал с Руси. Чистейшей воды узурпация власти, полнейшее нарушение традиций. В другой земле такое могло и не сойти с рук – а на Северо-Востоке сошло. Складывалась нехорошая традиция единолич-

ной власти, опирающейся на грубую силу.

После Юрьевичей

К началу XIII века Владимиро-Суздальское княжество начинает дробиться, как и все остальные земли Руси (кроме Господина Великого Новгорода): в 1212 году сыновья Всеволода Большое Гнездо поделили наследство, образовались княжества Ростовское, Переяславльское, Ярославское. Между братьями началась очередная междоусобица.

В 1216 году на реке Липице, близ Юрьева-Польского, сошлись две коалиции. В одной из них состоял Мстислав Удалой и старший сын Всеволода, Константин – он люто ненавидел остальных братьев. Мстислав позвал дружины его родственников – Ростиславичей, правивших в Киеве, Смоленске и во Пскове. Сам Мстислав Удалой вел свою дружину и новгородцев.

Вторая коалиция объединяла остальных сыновей Всеволода, князей Северо-Востока. Фактически Северо-Восточная Русь воевала со всей остальной Русью. Коалиция Северо-Восточной Руси была наголову разгромлена, вскоре новгородцы и смоляне осадили Владимир и принудили к полной капитуляции главу «северо-западных», Юрия.

Но самое главное – полная уверенность князей и бояр Северо-Востока в своей победе. Бояре заявляли князьям: «Не бывало того ни при деде, ни при отце вашем, чтобы кто-ни-

будь вошел ратью в сильную землю Суздальскую, а вышел из нее цел, хотя бы собралась вся земля Русская – и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская и Рязанская; никак им не устоять против нашей силы; а эти-то полки – мы их и седлами закидаем!»

Как часто бывает, хвастовство оказалось наказано. Даже когда на Северо-Востоке воцарился мир (после смерти старшего Всеволодовича, Константина в 1218 году), Северо-Восток не восстановил контроля над остальной Русью и до монголов этого господства не имел.

Но прошло еще полтора века – и в конце XIV столетия одно из самых обычных, самых заштатных княжеств Северо-Востока, Московское княжество, начинает «собирать Русь». Восстанавливает и даже усиливает власть Северо-Востока над Русью.

Пытаясь изобразить Северо-Восток единственным наследником Киева, историки преувеличивают его роль. В духе «перенесение политического центра Руси во Владимир сыграло большую роль в последующем образовании великорус. народности и рус. нации. В Сев. – Вост. Руси впервые была начата борьба за объединение Руси под главенством князей владимирской династии»⁷.

Это если и не прямое вранье, то, уж во всяком случае, сильнейшее преувеличение. В том же XIV веке «западно-

---

⁷ БСЭ. Вып. 3. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1971. Статья «Владимиро-Суздальское княжество». С. 146.

русские земли охотно признавали власть Литвы, чтобы избавиться от власти татар»⁸, в результате чего

в конце XV века «Великое княжество Литовское и Русское охватывало не только Литву, всю Северо-Западную и почти всю Юго-Западную Русь, но и западную часть Восточной Руси»⁹.

Не будем даже спорить, так ли уж нуждалась Русь в объединении – скажем, в Новгороде вовсе не рвались решительно ни с кем объединяться. Тем более вовсе не был Северо-Восток единственным объединителем Руси. Гораздо вернее утверждение авторитетного источника, что «политические традиции» Владимирской земли после монголов «были сохранены, восприняты и развиты в процессе «собирания Руси» Москвой в XIV–XV веках»¹⁰.

Все верно. Северо-Восток Руси, дикая Московия объединила остальную Русь. Именно ее политические традиции легли в основу политической традиции России, что нам до сих пор и аукается. Против правды не попрешь.

Как формировались традиции

Политические традиции Северо-Востока начал формиро-

---

⁸ Пушкарев Г.С. Обзор русской истории. СПб.: Лань, 1999. С. 147.

⁹ Пушкарев Г.С. Обзор русской истории. С. 149.

¹⁰ БСЭ. Вып. 3. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1971. Статья «Владимиро-Суздальское княжество». С. 146.

вать еще Андрей Боголюбский, внук Владимира Мономаха и родной брат прадеда Александра Невского. Он первым на Руси осуществил голубую мечту многих и многих князей:

- въехал в город, где можно править без веча;
- установил режим личной власти, без опоры на бояр и на Церковь, и даже Церковь попытался подчинить себе.

Мечта была у многих, но осуществилась в Северо-Восточной Руси, и были на то важные причины.

В древности ассирийцы и вавилоняне применяли политику, которая называлась «вырывание»: завоеванный народ переселяли на другие места. Новые места могли быть и не хуже старых, но там не было старых богов, прежних вождей, приходилось хоть немного, но менять и способ ведения хозяйства, и бытовые привычки. Народ оказывался вынужден опираться на администрацию, поставленную государством, он становился куда покорнее прежнего. «Вырванными» было проще управлять.

На Северо-Востоке народ, не успевая укорениться ни на одной территории, сам себе устраивает «вырывание». Причем какое-то хроническое вырывание: не успели освоить Волго-Окское междуречье, как приходит время перебираться в Поволжье, потом в Заволжье, в Предуралье, в Сибирь.

Люди не один раз, постоянно оказываются на новом месте. В таких условиях не могут «вырасти» новые традиции, новые принципы самоорганизации общества.

Везде в Европе – равно и романо-германской, и славян-

ской – центрами власти были феодалы, города и Церковь. Так было и во Франции, и в Германии, и в Великом княжестве Литовском. Так было и в Киевской Руси.

На Северо-Востоке города особенно слабы, среди них много городов вообще без веча, тот же Владимир.

Церковь? На западе Руси Церковь независима от князей, а католические епископы так и вообще подчиняются только Папе Римскому, а Папа считает себя выше королей и императоров. С Церковью приходится считаться что в Италии, что в далекой от папских глаз Польше.

На Северо-Востоке у Церкви тоже нет устойчивой опоры в традициях, обычаях места. Если князь создаст епископство – тогда и будет епископство, а князь сделается его покровителем.

Феодалы? Везде феодалы имеют свои имения, которые нельзя отнять. Они независимы от королей, князей, графов и герцогов; если хочешь стать и остаться владыкой – с ними надо уметь договариваться.

На Северо-Востоке нет сложившейся системы вотчин, переходящих от отца к сыну. А раз так – там в сто раз больше возможностей наступить им на хвост, заменить боярство, владеющее землей, на согнутое в покорности дворянство. Прогнать старшую дружину и бояр, опираться на молодежь, зависящую только от тебя.

Даже и крестьянство тут «удобнее» для установления режима своего личного господства. Оно более дикое, архаич-

ное, общинное. Оно не будет вникать в тонкости и в детали закона и традиции, оно еще не понимает важности этих юридических тонкостей.

Для этого общинного, диковатого крестьянства князь – что-то вроде племенного вождя. А мятежные бояре – это «шибко умные» враги единства, не понимающие прелести коллективизма и деспотизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.